

- ²⁸ Poligraticus. Vol. I. Lib. I. Cap. 5. P. 35–36.
- ²⁹ Ibid. Vol. I. Lib. I. Cap. 6. P. 39.
- ³⁰ Ibid.
- ³¹ Ibid. P. 39–40.
- ³² Цит. по: *Шестаков В. П.* Гармония как эстетическая категория. Учение о гармонии в истории эстетической мысли. М., 1973. С. 77. По классификации Гуго музыка, наряду с арифметикой, геометрией и астрономией, входит в математику, которая, в свою очередь, является частью «теористики».
- ³³ Подробнее см.: *Даркевич В. П.* Народная культура средневековья : светская праздничная жизнь в искусстве IX–XVI вв. М., 1988.
- ³⁴ Цицерон пишет : «...и наименьшего одобрения заслуживают ремесла, обслуживающие наслаждения. Бегут ко мне приветливо торговцы тонкой снедью / колбасники, пирожники и рыбак, ..., говорит Теренций; прибавь к ним, если хочешь, людей, изготовляющих благовония, плясунов и всю игру в кости» (*Цицерон. Об обязанностях. I. XLII* / пер. В. О. Горенштейн // Он же. О старости. О дружбе. Об обязанностях / изд. подгот. В. О. Горенштейн, М. Е. Грабарь-Пассек, С. Л. Утченко. М., 1974. С. 96–97).
- ³⁵ Poligraticus. Vol. I. Lib. I. Cap. 4. P. 31.
- ³⁶ Ibid. P. 32.
- ³⁷ Ibid. P. 32–33.
- ³⁸ *Дворецкий И. Х.* Латинско-русский словарь. М., 1976. С. 46 ; Словарь средневековых терминов // Антология средневековой мысли. Теология и философия Европейского Средневековья. СПб., 2002. Т. II. С. 519.
- ³⁹ *Карева В. В.* Гвиберт Ножанский и его сочинение «Monodiae» // Общественная мысль в контексте истории культуры. Сборник в честь Альфреда Энгельбертовича Штекли / отв. ред. О. Ф. Кудрявцев. М., 2004. С. 19.
- ⁴⁰ Poligraticus. Vol. I. Lib. I. Cap. 4. P. 33.
- ⁴¹ Платон, например, называл наслаждение «сильнейшей приманкой зла» и, по большому счету, вообще отрицал за ним возможность привнесения в мир блага. См.: *Платон. Тимей. 69d* / пер. С. С. Аверинцева // Он же. Собр. соч. : в 4 т. М., 1999. Т. III. С. 475 ; *Он же. Филеб. 55a* / пер. Н. В. Самсонова // Там же. С. 63. Это мнение Платона приводит Цицерон в своем сочинении «О старости». См.: *Цицерон. О старости. XIII. 43* / пер. В. О. Горенштейн // Он же. О старости. О дружбе. Об обязанностях. / изд. подготовили В. О. Горенштейн, М. Е. Грабарь-Пассек и С. Л. Утченко. М., 1974. С. 18.
- ⁴² *Гладков А. К.* Cor Rei Publicae : «Анатомия власти» и политические представления в средневековой Западной Европе // Предания и мифы о происхождении власти эпохи Средневековья и раннего Нового времени. М., 2010. С. 40–45.

УДК 94(410) "1066/1485"

ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ AFFINITY В XIV–XV ВЕКАХ

В. В. Кудряков

Московский педагогический государственный университет
E-mail: filadelf@mail.ru

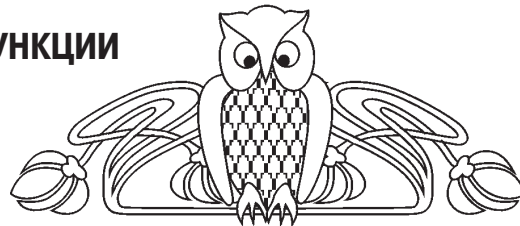
Эволюция феодальных обязательств на рубеже XIII–XIV вв. повлекла отмирание военной службы на основе прежних вассальных связей и их замещение системой контрактных обязательств, содействовавших формированию института *affinity*. Эти сообщества, складывавшиеся вокруг магнатов, не только выполняли военные функции, но и становились центрами социальной, политической и административной жизни. Они защищали интересы своих членов, содействовали установлению между ними экономических и матримониальных связей. Успешные *affinity* брали под свой контроль местную исполнительную и судебную власть, а также выборы в палату общин. Однако их борьба за преобладание являлась важным фактором, дестабилизирующим политическое развитие Англии в XIV–XV вв.

Ключевые слова: аффинити, патенты, договоры, держательские связи, войны Роз, Джон Гонт, Уильям Гастингс, Генрих Перси, Ричард Невиль.

Affinity in the XIV–XV Centuries: Means of Formation and Social Functions

V. V. Kudryakov

Evolution of feudal system on the verge of the thirteenth and fourteenth centuries entailed a decline of military service based on for-

mer tenurial bonds and its substitution by the system of contracted obligations which facilitated development of the institution of *affinity*. These communities forming around magnates executed not only military functions but became the centers of social, political and administrative activity. They defended interests of their members and promoted matrimonial and economic links among them. Prosperous *affinities* gained control over local executive and judicial power as well as elections to the House of Commons. However, their struggle for dominance contributed to a considerable extent to instability of political development in England in the fourteenth and fifteenth centuries.

Key words: affinity, patents, indentures, tenurial bonds, the Wars of the Roses, John of Gaunt, William Hastings, Henry Percy, Richard Neville.

Инициатива, вызвавшая к жизни трансформацию прежней военной и социальной системы, принадлежала еще Эдуарду I. В 1277 г. в ходе валлийских войн он впервые заключил ряд договоренностей с крупными баронами, предоставив им выплаты за военную службу. Они в свою очередь должны были составить соглашения с собственными людьми. В 80–90-е гг. эта практика получает широкое распространение, а бесплатная военная

служба на основе вассальных обязательств быстро исчезает. Попытка созвать армию на основе прежних феодальных отношений, имевшая место в 1327 г., сопровождалась серьезными затруднениями и стала последней.

В конце XIII – начале XIV в. договоренности об условиях военной службы и ее оплате часто заключались устно, однако начиная с кампании 1341 г. специальные письменные соглашения между Эдуардом III и его капитанами получают широкое распространение. Они достаточно стереотипны и регламентируют численность и состав войск, предоставляемых королю, сроки и место их службы, размер жалования, затраты на транспорт, компенсацию за утраченное имущество и распределение возможных военных прибылей. Срок действия этих контрактов составлял, как правило, 3–6 месяцев и очень редко превышал 1 год, что коренным образом отличало их от обязательств, которые заключали со своими людьми бароны, ибо эта категория договоров, как правило, предполагала пожизненные обязательства для обеих сторон, подписавших их¹.

Первое из сохранившихся пожизненных соглашений подобного рода между Эдмундом Мортимером и Питером Мейли датируется 1287 г., а уже десять лет спустя вырабатывается их стандартная модель². По ее условиям нанятый обязывался нести службу как в мирное, так и военное время на тех территориях, где пожелает наниматель. При этом оговаривалось, что он должен явиться на войну экипированным всем необходимым³. В зависимости от условий контракта на него возлагалась обязанность либо прибыть в войско самому, либо привести с собой столько людей, сколько будет возможно, однако их оплата и содержание в ходе кампании ложились на нанимателя или короля⁴. Взамен наемник получал долю в «выгодах войны» и компенсацию за утраченное в ходе кампании – лошадей, сбрую и иное снаряжение, принадлежавшее как ему самому, так и его людям⁵. Относительно размера постоянных ежегодных выплат, причитавшихся ему за службу, в договорах существовали значительные расхождения. Сумма и владения, обеспечивавшие ее поступление, могли быть четко прописаны в тексте, а могли и не быть⁶. Впрочем, в иных случаях упоминалось не только это, но и количество людей, в сопровождении которых наемнику надлежало появляться «к столу» своего патрона⁷.

В первой половине XV столетия система пожизненных контрактов переживает глубокий упадок, однако в период войн Роз их количество вновь сильно возрастает⁸. В них указываются закрепленные аннуитетные платежи, причитающиеся нанятым, и конкретные поместья, с которых в строго оговоренные сроки эти платежи должны поступать. Примером подобного рода является соглашение между Ричардом Невилем графом Уориком и сэром Джоном Траффордом. Однако выплаты за участие в боевых действиях

и возмещение понесенных на войне убытков упоминаются лишь вскользь, зато тщательно фиксируется доля (свыше 44%), которую Джон Траффорд должен выплатить графу Уоррику из своей военной добычи⁹. Наряду с этими контрактами заключались также специальные патентные соглашения. Они предполагали ежегодные выплаты с поместья лорда в обмен на пожизненную службу со стороны получателя¹⁰. Часто патент являлся приложением к договору. Несколько иные контракты со своими людьми заключал Вильям Гастингс лорд Эшби-Зуш. Хотя по их условиям наемникам компенсировались расходы, но лишь в двух есть упоминание о каких-либо других выплатах. Остальные договоры просто фиксируют обещания Гастингса быть своим людям «хорошим и истинным лордом ... в их законных делах так далеко, как требуют закон, справедливость и совесть». Некоторые исследователи полагали, что финансовые вопросы регламентировались в прилагавшихся к соглашениям патентах, но они просто не уцелели. Впрочем, также не сохранилось свидетельств, что в случае Уильяма Гастингса это было именно так. Возможно, привлекательность службы первому лорду Эшби-Зушу заключалась в ином¹¹. Понятие «хороший лорд» подразумевало, что магнат принимает на себя обязательство помогать своим людям выдвигаться на административной или военной службе, обеспечивать им юридическую защиту в судах и физическую защиту от врагов¹².

Оруженосцы, рыцари и даже представители титулованной знати, вступавшие в подобные соглашения с магнатами королевства, становились привилегированной частью их *affinity*. Традиционно это сообщество представляло собой родственников, служащих, держателей и соседей, группирующихся вокруг крупного феодала¹³. В перечень обычных обязанностей знатного наемника входило присутствие при дворе лорда в определенные периоды, участие со всеми своими людьми в его торжественных выездах, посещение вместе с ним политических и судебных собраний, поддержка нанимателя в спорах со всеми, кроме короля, и даже выполнение обязанностей прислуги¹⁴. При этом нельзя утверждать, что прежние связи сюзеренов со своими держателями полностью утратили значение, поскольку ядро *affinity*, как правило, формировалось крупными феодалами из числа своих наследственных вассалов¹⁵. Например, дому Ланкастеров служило несколько поколений семей Дипре, Хангенфордов, Беррифордов, Ботиле и Роосов, а дому Йорков – Фитц-Вильямсов и Сэвилей¹⁶. Однако подобная преданность далеко не всегда была в порядке вещей, ибо связь лорда и его наемников, как правило, поддерживалась благодаря не столько самому контракту, сколько совокупности взаимных выгод, повлекших его заключение¹⁷. Если обстоятельства изменялись, то и договор зачастую утрачивал свою силу. Здесь в качестве примера можно привести ситуацию с

affinity дяди короля Ричарда II герцога Ланкастера Джона Гонта. Сохранились имена 66 рыцарей и оруженосцев, законтрактованных им в период с 1371 по 1374 г., а также список рыцарей и щитоносцев в регистре герцога за 1379–1383 гг. Благодаря сопоставлению этих данных видно, что за достаточно краткий промежуток времени 26 из 66 «контрастников» покинули службу у Джона Гонта: 14 выбыли по причине смерти, судьба еще 9 неизвестна, зато трое точно были живы, но отказались от соблюдения заключенного договора¹⁸.

Переход в военное сообщество другого лорда не являлся чем-то исключительным, особенно если пребывание в прежнем *affinity* утрачивало прежнюю привлекательность. В силу старческого слабоумия или малолетства магната этот процесс мог стать очень масштабным и подорвать доминирование той или иной семьи, как это произошло с Куртенэ и Бошамами в Уорике и Девоне в середине XIV в.¹⁹ В случае смерти своего главы *affinity* могли стать объектом конкурентной борьбы между крупнейшими баронами, пытавшимися перехватить контроль над теми или иными территориями. Чаше подобное развитие событий приводило к распаду оспариваемого сообщества, как это можно видеть в случаях с *affinity* Ричарда Бошама графа Уорика в 40–50-е гг. XV в. и Ричарда Невиля графа Уорика в 70–80-е гг. того же столетия. Причем за наемников «делателя королей» боролись братья Эдуарда IV, Ричард герцог Глостер и Джордж герцог Кларенс, а после смерти последнего одна часть его людей перешла к Генриху Перси графу Нортумберленду, а другая – к Уильяму Гастингсу лорду Эшби-Зушу²⁰.

Неприятной для крупных баронов тенденцией была склонность их наемников одновременно заключать не один пожизненный контракт и «распределять» свою верность между разными сеньорами. Примером такого рода может служить сэр Генрих Грин, ежегодно получавший 50 марок от Джона Гонта и 40 от короля Ричарда II. Впрочем, и он мог позабывать сэру Уильяму Бэготу, который наслаждался выплатами не только от короля и Джона Гонта, но и от герцога Норфолка²¹. Однако, возможно, не всегда службу двум лордам следует рассматривать как проявление нелояльности. М. Хикс полагал, что привлекая на свою службу одного и того же человека, магнаты таким образом приобретали возможность взаимовлияния²². Тем не менее после смерти Джона Гонта Ричард II потребовал от держателей его патентов и контрактов, чтобы они служили исключительно суверену. Но добиться этого оказалось непросто даже для столь могущественного государя как Генрих V, и в соглашениях, предлагаемых им своим подданным, содержался пункт, сохранявший за ними ежегодные выплаты лишь до тех пор, пока они не будут наняты кем-либо еще²³. Ситуация со свитой менее высокопоставленных особ в конечном итоге определялась балансом сил и интересов. Для магната поддержание и укрепление своего

affinity было жизненно необходимо, так как это давало возможность защитить собственные земли и взять под контроль местную администрацию путем привлечения влиятельных лиц. С помощью контрактов нанимались люди трех категорий: юристы, имевшие значительную клиентулу и необходимые для ведения тяжб, чиновники и значимые представители джентри для исполнения представительских и военных функций. За них между лордами постоянно велась то скрытая, то явная борьба, и попытки перекупить чужих людей были весьма характерны для XIV–XV вв.²⁴

Численность наемников, привлеченных на службу посредством патентов или пожизненных контрактов, никогда не была значительной. Джон Гонт содержал на подобных условиях около 200 человек. Впрочем, от многих из них требовалось появление в его отряде в сопровождении вспомогательных войск и, судя по всему, их совместная численность не очень отличалась от тех полутора тысяч, которые составляли персональный контингент Джона Гонта во французской кампании 1373 г.²⁵ Это могущественное *affinity* сыграло значительную роль в узурпации трона его сыном Генрихом Болингброком, а впоследствии послужило силой, опираясь на которую основатель династии Ланкастеров сумел сохранить за собой престол²⁶. С неменьшим успехом собственное *affinity* использовал другой удачливый узурпатор, Эдуард IV. Члены его свиты не только участвовали в боевых действиях, но и были заняты организацией шпионажа внутри страны, выполнением конфиденциальных дипломатических поручений, а также занимали важные административные посты в разных графствах, укрепляя королевскую власть на локальном уровне²⁷. На пожизненном содержании у Томаса графа Ланкастера находилась примерно половина людей, образовывавших ядро *affinity* Джона Гонта. Крупным контингентом законтрактованных наемников в XV в. располагали Хэмфри герцог Бэкингем, Ричард Бошама граф Уорик и Уильям Гастингс лорд Эшби-Зуш, но количество заключенных ими пожизненных *indenture* было еще меньше и колебалось в пределах 60–80²⁸. Если в случае с Уильямом Гастингсом сложно утверждать, что 3000 человек, приведенных им к Эдуарду IV в кампании 1471 г., напрямую были связаны с количеством знатных наемников (их к этому времени у лорда Эшби-Зуша было всего 6), то другой могущественный магнат периода войн Роз, Генрих Перси граф Нортумберленд, именно благодаря патентам, аннуитетным платежам и пожизненным контрактам смог выставить в кампаниях 1482 и 1487 гг. настоящие армии, насчитывавшие свыше 5000 воинов. Тем не менее процент держателей пожизненных контрактов в их составе был незначителен²⁹. Причину этого следует искать в экономической плоскости. При заключении подобного соглашения поступившему на службу полагались ежегодные фиксированные выплаты с поместий, принадлежавших лорду и,

учитывая прочие, весьма значительные расходы, лежавшие на баронах, они просто могли разориться, заключив чрезмерное количество контрактов. По оценкам К. Б. Мак-Фарлейна, подтвержденным расчетами Пьюго, на содержание свиты при спокойном течении дел тратилось не более 10% от совокупного дохода магната, однако эта цифра могла достигать и 40%, как в случае с Перси в период их драматической борьбы с Невиллями во время войн Роз³⁰. Впрочем, Генрих Перси граф Нортумберленд, желая закрепить свое господство на севере, и в конце 80-х гг. XV в. тратил на собственное *affinity* 42,26% всей своей ренты и иных поступлений³¹. Даже лорды, пользующиеся расположением короля, не могли позволить себе лишних расходов на содержание свиты. Это наглядно иллюстрируется на примере Томаса Холанда графа Кента, весьма ценимого Ричардом II. В 1397 г. сэр Уильям Болдуин даже обратился к матери Томаса Холанда с просьбой предложить его кандидатуру в качестве претендента на пожизненный контракт. При этом он отмечал, что знает о непрестом финансовом положении графа Кента, которое не позволит ему в ближайшие два года хоть немного увеличить число своих наемников, и поэтому предлагал себя с дисконтом и в рассрочку, прося на ближайшие пару лет лишь рацион на двоих, разные другие обычные мелочи и 10 марок в следующем году, «чтобы освежить себя»³².

Что привлекало джентри на службу магнатов и почему подчас они были готовы на финансовые уступки при заключении контракта? Ответ на этот вопрос лежит сразу в нескольких сферах. С одной стороны, многое зависело от влияния, которое возможный наниматель имел при дворе. Такие люди, как Джон Гонт герцог Ланкастер, фаворит Маргариты Анжуйской Уильям де ла Поль герцог Саффолк или ближайший соратник Эдуарда IV Уильям Гастингс лорд Эшби-Зуш, оказывавшие серьезное влияние на ход государственных дел, не имели недостатка в людях, желавших вступить в их *affinity*. Эти магнаты также могли эффективно содействовать своим людям в борьбе за места в местной администрации. Еще одним, и подчас более значимым побудительным мотивом служило расположение поместий как самого барона, так и его потенциального наемника. Соседство влиятельного аристократа делало окрестных дворян его естественными клиентами. Иногда различные причины совпадали. Относительно уже упомянутого Уильяма де ла Поля К. Б. Мак-Фарлейн резонно отмечал, что в 40-е гг. XV в. для джентри располагать владениями в Восточной Англии и не быть в его *affinity* означало искать для себя проблемы³³. Причем в данном случае речь совсем не обязательно шла о выгодных для рыцарей и эсквайров патенте или пожизненном контракте. Гораздо чаще в *affinity* того или иного магната попадали на основании договора *maintenance*. Это были «письменные обязательства следовать за

своими могущественными соседями, т. е. оказывать им «поддержку» во время войны и мира», которые нередко подписывались под значительным давлением со стороны могущественного лорда³⁴.

Но имелись и другие побудительные причины, коренившиеся в самой природе социальных и правовых механизмов этой эпохи. Прежде чем обратиться к их рассмотрению, необходимо отметить, что английские дворяне в XIV–XV вв. совершенно не могли быть уверены в незыблемости своих имущественных прав. Даже земля, являвшаяся экономической базой их существования, весьма нередко становилась объектом либо прямого насильственного захвата, либо судебных разбирательств, исход которых предопределялся отнюдь не верховенством закона. Еще в XIII в. наблюдался упадок выездных сессий королевского суда, а в XIV столетии «ослабление королевского контроля над юстицией» сопровождалось процессом укрепления локальных органов правосудия³⁵. Шерифы и местные судебные чиновники, как правило, были креатурами баронов и по возможности содействовали их целям³⁶. Обычно юридические процедуры XIV–XV вв. сопровождались подкупом, угрозами и вооруженной демонстрацией конкурирующих *affinity*. Если, по мнению тяжущихся сторон, суд не смог вынести взвешенного решения, начинался разбой во владения конкурентов, нередко заканчивавшийся настоящими локальными войнами³⁷. Ярким образчиком подобных событий может послужить столкновение между лордом Бонвиллем и графом Девонем в 1453 г.³⁸ В таких условиях состоять в *affinity* зачастую оказывалось жизненно необходимым – пусть это и не давало гарантий безопасности, но позволяло надеяться на что-то более существенное, нежели призывы к королевскому правосудию, и значительно увеличивало шансы отстоять свою собственность в условиях перманентных конфликтов³⁹. Рядом исследователей судебные тяжбы даже рассматриваются как средство, с помощью которого магнаты подчиняли себе джентри. Например, Эдуард Стаффорд герцог Бэкингам инициировал 128 тяжб. Короли также судились, и среди «безжалостных сутяг» были Эдуард IV, Ричард III и Генрих VII⁴⁰. *Affinity* содействовало заключению браков и установлению прочных экономических связей между семьями, служившими одному лорду, а значит, защита интересов каждого становилась общим делом. В крайнем случае свита лордов являлись военной защитой для своих членов. Кроме того, ее глава на подконтрольных территориях мог разрешать различные имущественные споры во внесудебном порядке, организуя с помощью своих юристов процедуру рассмотрения дела на основе общего права, но без использования аппарата государственного правосудия. Плюсы этого заключались в отсутствии процессуальной волокиты и коррупции, а также в стремлении магната добиться принятия компромиссного решения, которое по

возможности удовлетворяло бы обе стороны и исключало эскалацию конфликтов⁴¹.

К числу выгод от пребывания в свите успешного магната также относилась возможность сделать карьеру на местном или государственном уровне. Например, членство в свите Ричарда герцога Глостера позволило Хьюго Гастингсу получить должность шерифа в графстве Йоркшир, а Томасу Меткалфу стать канцлером герцогства Ланкастер⁴². В правление Ричарда II Эдуард Куртенэ смог взять под контроль управление графством Девон. В начале XV в. Ричард Бошам добился аналогичного результата в Уорикшире. Графы Арунделл и Варен, мирно скооперировав свои силы, в начале XIV в. установили господство в Суррее и Сассексе, а Перси и Невилы после ожесточенных столкновений поделили на сферы влияния Йоркшир⁴³. Таким образом, свита магната превращалась в центр локальной социальной, политической и административной жизни.

Еще одной сферой интересов баронов стали выборы в парламент, поскольку проводя своих кандидатов в состав представительного органа, они тем самым подтверждали собственное значение внутри графства и обретали возможность воздействия на палату общин. В частности, Джон Гонт имел преобладающее влияние при избрании членов парламента от графства Ланкастер⁴⁴. Однако нередко предвыборные кампании оказывались причиной противостояния между конкурирующими *affinity*. На севере страны борьба шла между ставленниками Перси и Невилей, в Восточной Англии – Моубреев, де ла Полей и Йорков. В ряде графств сохранялось сильное влияние местной военно-политической элиты, не инкорпорированной в состав свиты того или иного лорда. Города, особенно в XIV в., также проявляли значительную самостоятельность в этом вопросе. Поэтому хотя часто результат был заранее predetermined, все же нельзя сказать, что во всех графствах выборы являлись безальтернативными⁴⁵.

Отношение королевской власти к *affinity* сложно назвать последовательным. С одной стороны, государи нуждались в военном потенциале этого института для подавления народных выступлений и для экспедиций за пределы Англии. С другой – свита лордов представляла собой угрозу политической стабильности и безопасности государства, что вызывало неоднократные попытки сдержать ее рост или вовсе поставить вне закона. Так, еще в 1377 г. людям, состоящим на службе у короля, было запрещено использовать своих наемников в разрешении каких-либо споров. В 1390 г. ввиду «горестных жалоб и ропота лордов и общин королевства» Ричард II вновь попытался ограничить разрастание *affinity*. Однако сложившейся практики он изменить не мог. Аналогичные акты королевской власти от 1401, 1406, 1411 и 1429 гг. также не возымели должного действия. Наконец, уже в период войн Роз, в 1461 г., Эдуард IV запретил любому лорду

держатъ свиту за исключением периодов службы у короля. Эта мера, подкреплённая и усиленная статутом 1468 г., также ни к чему не привела⁴⁶. Причем в числе первых ее нарушителей оказался один из ближайших сподвижников короля Уильям Гастингс лорд Эшби-Зуш, заключивший в период 1461–1483 гг. не менее 69 контрактов⁴⁷.

Неудачи центральной власти в противостоянии с *affinity* в дотюдоровской Англии вполне закономерны – этот институт являлся уникальным регулятором политических, военных и социально-экономических отношений в среде английского дворянства, так как мог оказывать неопределимую поддержку своим прямым и ассоциированным членам в разрешении любых значимых споров. Если также учесть, что эти сообщества всемерно содействовали удовлетворению интересов джентри и аристократии в судебной и административной сферах, то перед нами предстанут основные причины, обусловившие существование данного института, не только пережившего период Столетней войны, но и в значительной степени сохранившегося в непростых условиях войн Роз. Правящая династия также нуждалась в его административных и военных возможностях. Бароны находили в сохранении *affinity* традиционное выражение своей власти над окрестными землями, а джентри в свою очередь по-прежнему состояли в свите, прекрасно осознавая свою выгоду.

Примечания

- 1 См.: McFarlane K. B. 'Bastard feudalism' // 'England in the Fifteenth Century'. Collected Essays. L., 1981. P. 25–26 ; Контамин Ф. Война в средние века. СПб., 2001. С. 169.
- 2 См.: McFarlane K. B. Op. cit. P. 33.
- 3 См.: John of Gaunt Register, 1379–1383 : in 2 vols. Frome ; L., 1937. Vol. I. P. 17.
- 4 Ibid. P. 18–19.
- 5 См.: English Historical Documents : in 6 vols. / ed. by A. R. Myers. L., 1969. Vol. 4. P. 1115.
- 6 См.: John of Gaunt Register, 1379–1383. Vol. I. P. 20–24.
- 7 См.: Контамин Ф. Указ. соч. С. 170.
- 8 См.: McFarlane K. B. Op. cit. P. 27–28.
- 9 См.: English Historical Documents. Vol. 4. P. 1126.
- 10 См.: McFarlane K. B. Op. cit. P. 29.
- 11 См.: Hicks M. Lord Hastings 'Indentured Retainers'? // Richard III and his Rivals. Magnates and their Motives in the Wars of the Roses. L., 1991. P. 230–232.
- 12 См.: Hicks M. Restraint, Mediation and Private Justice : George, Duke of Clarence as 'Good Lord' // Richard III and his Rivals. Magnates and their Motives in the Wars of the Roses. P. 136 ; Idem. Lord Hastings 'Indentured Retainers?' P. 236.
- 13 См.: Harris G. L. Introduction // 'England in the Fifteenth Century'. Collected Essays. P. XI.
- 14 Ibid. P. XIV ; English Historical Documents. Vol. 4. P. 1115–1126.
- 15 См.: Harris G. L. Op. cit. P. X.

- ¹⁶ См.: *McFarlane K. B.* Op. cit. P. 32; *Dockray K.* Richard III and the Yorkshire Gentry c. 1471–1485 // Richard III : Loyalty, Lordship and Law. L., 1986. P. 41.
- ¹⁷ См.: *McFarlane K. B.* Parliament and 'Bastard feudalism' // 'England in the Fifteenth Century'. Collected Essays. L., 1981. P. 18.
- ¹⁸ См.: *McFarlane K. B.* 'Bastard feudalism'. P. 37.
- ¹⁹ См.: *Harris G. L.* Op. cit. P. XVIII.
- ²⁰ См.: *Hicks M.* Bastard feudalism : Society and Politics in Fifteenth-Century England // Richard III and his Rivals. Magnates and their Motives in the Wars of the Roses. P. 22; *Idem.* Lord Hastings 'Indentured Retainers'? P. 233, 369; *Dockray K.* Op. cit. P. 42.
- ²¹ См.: *McFarlane K. B.* 'Bastard feudalism'. P. 36.
- ²² См.: *Hicks M.* Bastard feudalism : Society and Politics in Fifteenth-Century England. P. 8.
- ²³ См.: *McFarlane K. B.* 'Bastard feudalism'. P. 31.
- ²⁴ См.: *Hicks M.* Bastard feudalism : Society and Politics in Fifteenth-Century England. P. 20–21, 37.
- ²⁵ См.: *Harris G. L.* Op. cit. P. XI.
- ²⁶ См.: *Lander J. R.* Government and Community. England 1450–1509. L., 1980. P. 220.
- ²⁷ См.: *Ibid.* P. 49–50; *Бакалдина Е. В.* Департаменты, службы и должности в хаусхолде Эдуарда IV // Королевский двор в Англии XV–XVII веков // Тр. исторического факультета С.-Петербургского гос. ун-та. СПб., 2011. Т. 7. С. 93–100.
- ²⁸ См.: *Harris G. L.* Op. cit. P. XI.
- ²⁹ См.: *Lander J. R.* Op. cit. P. 45; *Hicks M.* Dynastic Change УДК 930.85
- and Northern Society : The Fourth Earl of Northumberland, 1470–89 // Richard III and his Rivals. Magnates and their Motives in the Wars of the Roses. P. 389.
- ³⁰ См.: *Harris G. L.* Op. cit. P. XIII.
- ³¹ См.: *Hicks M.* Dynastic Change and Northern Society : The Fourth Earl of Northumberland, 1470–89. P. 385.
- ³² См.: *McFarlane K. B.* 'Bastard feudalism'. P. 35.
- ³³ *Ibid.* P. 31.
- ³⁴ См.: *Штокмар В. В.* История Англии в средние века. СПб., 2001. С. 98–99.
- ³⁵ *Harris G. L.* Op. cit. P. XXI–XXII.
- ³⁶ *Ibid.* P. XV–XVI.
- ³⁷ *Ibid.* P. XIX.
- ³⁸ См.: English Historical Documents. Vol. 4. P. 1125–1126.
- ³⁹ См.: *Hicks M.* Bastard feudalism : Society and Politics in Fifteenth-Century England. P. 13.
- ⁴⁰ См.: *Britnell R.* The Closing of the Middlr Ages? England, 1471–1529. Oxford, 1997. P. 169–170.
- ⁴¹ См.: *Hicks M.* Restraint, Mediation and Private Justice : George, Duke of Clarence as 'Good Lord'. P. 147–148; *Harris G. L.* Op. cit. P. XXI.
- ⁴² См.: *Dockray K.* Op. cit. P. 43–44.
- ⁴³ См.: *Harris G. L.* Op. cit. P. XV.
- ⁴⁴ См.: *McFarlane K. B.* Parliament and 'Bastard feudalism'. P. 3.
- ⁴⁵ См.: *Harris G. L.* Op. cit. P. XVI–XVII.
- ⁴⁶ См.: English Historical Documents. Vol. 4. P. 1116–1117.
- ⁴⁷ См.: *Goodman A.* The Wars of the Roses. Military Activity and English Society, 1452–1497. L., 1981. P. 135.

О ПОЛЕ ПОНЯТИЯ *REASON* В ЭСТЕТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XVIII ВЕКА (на материале сочинений А. Поупа)

В. В. Кирюшкина

Саратовский государственный технический университет
E-mail: cyr72@mail.ru

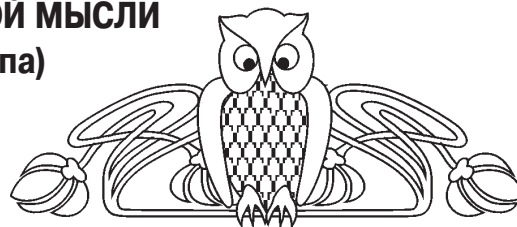
Работа посвящена выявлению основных сигнатур понятия «*reason*» (wit, judgment, understanding, sense etc.), их семантической взаимосвязи в эстетическом дискурсе XVIII века. Материалом для анализа служат критические произведения А. Поупа. Автор отмечает, что в английской лексике первой половины XVIII века слово «*reason*» стягивает вокруг себя подавляющее большинство понятий, обозначающих когнитивную и творческую деятельность человека.

Ключевые слова: творчество, классицизм, Просвещение, эстетическая мысль, семантическое поле, сигнатуры, разумность, ум, здравый смысл.

Semantic Field of Concept «Reason» in XVIII Century Aesthetic Thought (on A. Popes' Works)

V. V. Kiryushkina

This work concerns revealing basic signatures of the concept «*reason*» (wit, judgment, understanding, sense etc.) and their semantic interrelations in aesthetic discourses of XVIII. The analysis is made on

the basis of the works of Pope on art criticism. The author notes that in the English lexicon of the first half of XVIII century «*reason*» united around itself majority of concepts denoting cognitive and creative activity of a person.

Key words: creativity, classicism, Enlightenment, aesthetic, semantic field, signatures, reason, wit, good sense.

Артур Шопенгауэр, рассуждая на тему «гений и безумие», приводит многочисленные авторитетные высказывания – от Платона до Гете – о поэтическом безумии. Среди них довольно неожиданно встречается и ссылка на Александра Поупа – английского просветителя, законодателя английского классицизма. Шопенгауэр приписывает Поупу такие строки:

Great wits are sure to madness near alli'd;
And thin partitions do their bounds divide¹.

То есть: «Великие умы всегда в тесном союзе с безумием / И тонкие преграды их разделяют»².